

Елена НОВИКОВА

Недопетая песня

О судьбе некоторых композиторов и музыковедов Ленинградской консерватории во время блокады

Каждый человек рождается со своим предназначением. Он может ощущать его или нет, но на том пути, по которому он движется, он четко понимает правильность своего выбора. Особенно остро осознают свое предназначение люди, озаренные искрой таланта. Они с какой-то болезненной чуткостью воспринимают ход того времени, которое им отпущено. И как же страшно, когда эти часы останавливаются внезапно, так и не успев завершить отмеренный им путь.

Для многих композиторов и музыковедов консерватории Ленинграда – Петербурга XX века такой остановкой стало страшное время блокады. Эти тяжелые испытания раньше времени прервали жизнь и еще молодых, исполненных творческих поисков, музыкантов, и музыкантов, уже прошедших большую часть своего пути, но по-прежнему открытых искусству. Эти люди, достойно, а в большинстве случаев героически встретившие тяжелейшие испытания, не дошли до победы. Их души навсегда остались принадлежать Родине, городу Ленинграду и Консерватории, жизнь в которой они продолжали поддерживать и в это трагическое время. О судьбе некоторых из них я хотела бы рассказать в своей работе.

* * *

С первых дней Великой Отечественной войны здание Консерватории превратилось в боевой штаб. После эвакуации части состава Консерватории в Ташкент, в Ленинграде осталась группа людей, студентов и преподавателей, которые по каким-либо причинам не смогли или не захотели покинуть родной город, и которые хотели продолжать заниматься вопреки всем трудностям. Они еще не знали, какие испытания им придется перенести.

Об этом судьбоносном решении говорит отчет 1942 года.

«После эвакуации консерватории в г. Ташкент в августе 1941 г. в Ленинграде осталась часть профессорско-преподавательского

состава и большое количество студентов, бывших в момент эвакуации на оборонных работах. Поэтому создалась возможность продолжить учебную жизнь вуза и пойти навстречу желанию профессуры и студентов заниматься» (4, 41).

Постепенно трудности начали усиливаться. Ленинград, который, как казалось, никогда не затронет война, был взят в плотное кольцо блокады. Линия фронта постепенно все приближалась, пока не остановилась совсем рядом с чертой города.

Наступили страшные голодные дни. Еда стала выдаваться по талонам, а порции хлеба постепенно снижались. Трудно здесь не привести строки из знаменитого дневника выдающейся певицы и педагога Зои Петровны Лодий¹. «20го ноября. Сбавили нормы хлеба — 250 г. рабочим и 125 г. всем — разрезаем этот кусочек утром на три раза» (3, 3).

Но дух людей, сражающихся за свою жизнь и свободу, нелегко было сломить. Они старались не замечать и постоянного чувства голода, и пронизывающего мороза, привыкли к темным помещениям с закрытыми фанерой окнами, а звук летящих снарядов стал для многих настолько привычным, что тишина уже освобожденного Ленинграда показалась оглушительной.

Из воспоминаний Веры Ильиничны Павловской — Боровик. «Живя под Смольным и заболев в 1941 году тяжелым травматическим плевритом после падения в бомбоубежище, я не имела сил при отсутствии трамваев работать в то время без перерыва в консерватории, но при малейшей возможности я включилась. Когда начались регулярные занятия, я занималась и со студентами, и с группой окончивших, повышавших свою квалификацию. Кроме того, с 1942 г. я веду в плане шефства вокальную работу с группой офицеров Красной Армии и Флота» (3, 3).

Трудно сейчас представить, что количество студентов к зимней сессии 1941/42 года составляло 150 человек. Сколько труда нужно было приложить преподавателям, чтобы убедить своих учеников, да, наверное, и себя, что занятия необходимы, что именно творческая деятельность должна придать им силы для борьбы за свою жизнь.

Вопреки всему зимняя сессия 1941/42 года состоялась. А уже 9 января 1942 года директор Ленинградской консерватории Антонина Федоровна Лебедева издает приказ, в котором назначает состав диссертационной комиссии. В нее вошли: Б.В. Асафьев, А.В. Оссовский, Е.О. Брик, Р.И. Мервольф, З.П. Лодий, Л.Е. Аб, И.П. Извеков, Е.А. Бронская, Р.И. Грубер, П.Б. Рязанов.

¹ Подробнее о судьбе З.П. Лодий см.: *Базуева О. У истоков класса камерного пения: Зоя Лодий // Альманах «Малоизвестные страницы истории консерватории». Вып. III.*

Для многих этих талантливых музыкантов, педагогов, композиторов 1942 год станет последним.

* * *

В начале 1942 года не стало заслуженного деятеля искусств, профессора Льва Ефимовича Аба. Этот выдающийся музыкант родился в 1883 году, в городе Орел. Свои первые творческие шаги он сделал в Орловских музыкальных классах РМО. Уже в юном возрасте начал работать органистом, а в 1912 году поступил в Петербургскую консерваторию. Спустя несколько лет Л.Е. Аб заканчивает консерваторию сразу по трем специальностям. В 1917 году по классу органа, в 1918 году по классу дирижирования, а в 1922 по классу композиции. Преподавательская деятельность Льва Ефимовича началась в Азербайджанской консерватории, где он вел различные теоретические предметы и композицию. А с 1935 года его творческая деятельность стала осуществляться в стенах родной Ленинградской консерватории. Л.Е. Аб начинает преподавать инструментовку и теорию музыки.

Уже в тяжелое блокадное время приказом от 7 января 1942 года Л.Е. Аб вместе с П.Б. Рязановым назначается заведующим кафедрой дирижерского и композиторского факультета. В это время свою преподавательскую деятельность он совмещает с несением дежурств в команде МПВО. Не ослабевает и его потребность в сочинении. В Союзе композиторов сохранился план творческих просмотров на декабрь 1941 года. На прослушивание выносилась музыка 8 композиторов. В их числе и произведения Л.Е. Аба. Этим планам не суждено было осуществиться.

В начале 1942 года Лев Ефимович умер от истощения.

Еще один талантливейший музыкант, эрудированный музыковед не выдержал испытаний 1942 года. Это Рудольф Иванович Мервольф.

Поражают строки дневника дочери этого музыканта, Нины Рудольфовны Мервольф, которые описывают последние месяцы жизни выдающегося музыковеда.

«5 января 1942 года. Недавно я провожала папу в консерваторию — так просто не верилось, что идешь по Театральной площади, по улице Плеханова, по Невскому. Унылая снежная улица, вся

в сугробах и рытвинах (без всяких следов). По ней движется масса людей — укутанных, изможденных, бледных, с какими-то серыми, будто закопченными, опухшими лицами, волочащих за собой санки с буржуйками, вязками дров и тому подобным унылым грузом.

19 января. Папа сейчас играет на рояле — сразу так грустно делается. Недавно играл “Песню Сольвейг”, и я так горько сразу заплакала. (...) Вспомнился ярко освещенный Малый зал консерватории и филармонии.

9 февраля. Вчера папа играл на рояле Шопена, Глинку.

4 марта. Папа ушел в консерваторию. И вчера ходил туда. Боюсь, как бы на нем эти походы не отозвались. Но зато там он получает сытный обед без карточек (его угощают его бывшие ученики с военно-морского факультета).

1 мая. Папа очень слаб и худ, желтый, опухает. Но он все-таки еще не совсем слег. Ходит даже в консерваторию.

6 мая. Эти дни маме получше, зато папа очень плох — глаза потухшие, опух, совсем не может ходить. Пошел в амбулаторию (для назначения на комиссию по усиленному питанию) и упал на улице.

29 мая. У папы по диагнозу врача дистрофия III стадии. (...) Консерватория хлопчет о помещении его в Свердловскую больницу, но, думаю, это уже бесполезно. Жалко папу страшно, прежнего папу — веселого, жизнерадостного, талантливого, небудничного человека, деятельного, подвижного, трудолюбивого. Мама тоже очень плоха. Это высохший скелет.

5 июня. Папа умер сегодня утром» (4, 43).

Жизнь композитора Петра Борисовича Рязанова (1891 – 1942) оборвалась в Тбилиси. Закончив консерваторию по классу композиции у А. Житомирского, П.Б. Рязанов сразу же начинает преподавать в Ленинградской консерватории. К началу войны он уже возглавляет кафедру композиции. Его учениками были многие талантливые музыканты, такие как: Г.В. Свиридов, В.П. Соловьев-Седой, И.И. Дзержинский, Н.В. Богословский и многие другие. Перу Петра Борисовича принадлежат не только вокальные и инструментальные произведения, но и переводные работы

(М. Рeger «О модуляции»), а также статьи («Частушка и ее жизнь», «Что поет Волга»).

Воспитывая своих учеников, как крепких специалистов и творчески мыслящих людей, П.Б. Рязанов большое внимание уделял развитию общей культуры человека. Педагог посещал со своим классом заседания Союза композиторов во время знакомства с новыми сочинениями, обсуждал музыкальные новинки, побуждал студентов читать книги, посещать спектакли, концерты.

Весной 1942 года в тяжелейшем состоянии его эвакуируют в Тбилиси. Там он еще некоторое время преподает в Тбилисской консерватории, но, видимо, так и не оправившись, умирает 6 октября 1942 года.

Этот же год унес жизнь и старейшего преподавателя Ленинградской консерватории Василия Павловича Калафати (1869 – 1942).

В 1899 году он закончил класс теории композиции у Н.А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории. А с 1906 года на протяжении 23 лет преподавал в ней, был профессором. У Василия Ивановича учились такие выдающиеся музыканты как Б.В. Асафьев, С.С. Богатырев, В.В. Щербачев, И.Ф. Стравинский, Х.С. Кушнарев, М.А. Юдин.

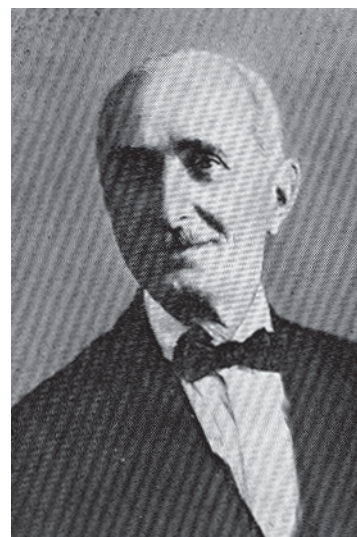

Воспитывая учеников, он продолжал поддерживать отношения и со своим учителем, и с группой музыкантов, составлявших Беляевский кружок. На протяжении всей жизни этот талантливый композитор продолжал неустанно работать. И работа эта была оценена многими коллегами. Так, в 1928 году его симфоническая поэма «Легенды», посвященная памяти Шуберта, получила премию на Международном конкурсе им. Ф. Шуберта в Вене. С началом войны творческая жизнь В.П. Калафати не ослабевала. В 1941 году была закончена опера «Цыганы», были задуманы многие произведения... Но этим замыслам не суждено было осуществиться. 20 января 1942 года Василия Павловича помещают в стационар. А 30 января 1942 года он умирает.

Жизнь еще одного выпускника класса Н.А. Римского-Корсакова унесла блокада. Николай Петрович Фомин (1869 – 1942) закончил консерваторию в 1891 году. Занимался дирижированием у А. Рубинштейна. С 1929 года преподавал игру на народных инструментах и инструментовку для народного оркестра в Ленинградской консерватории. Он стоял у истоков оркестра народных инструментов

В.В. Андреева. В октябре 1889 года В.В. Андреев приглашает Н.П. Фомина к сотрудничеству. И благодаря его помощи, как пишет сам Николай Петрович, «кружок любителей игры на балалайке был реорганизован в Великорусский оркестр». После смерти В.В. Андреева Н.П. Фомин становится главным дирижером оркестра.

В 1941 году музыкант пишет марш, который был отмечен в ноябре на композиторском конкурсе. А в январе 1942 года в Союз композиторов пришло письмо. В нем Николай Петрович сообщает, что, видимо, не переживет блокаду и завещает Союзу свою библиотеку. Предчувствия не обманули Н.П. Фомина. Зимой 1942 года его не стало.

Сергею Ричардовичу Муселиусу перед войной исполнилось 29 лет. К моменту поступления в консерваторию в 1936 году, он уже имел диплом об окончании Ленинградского Университета как физик и математик. И уже занимаясь в Консерватории, он одновременно закончил аспирантуру Университета как астроном. Сохранились воспоминания о нем В.Н. Салманова: «Сергей Муселиус был наиболее широкообразованным не только среди композиторов, но и вообще среди студентов всех факультетов. Блестящая память, огромная начитанность и глубокие разносторонние знания истории музыки и музыкальной литературы создали ему огромный авторитет. Если к этому добавить еще его удивительную мягкость и доброжелательность, то легко себе представить любовь и уважение, которые он снискал в среде студентов-композиторов. Его отличали редкостная честность и принципиальность в искусстве, блестящие знания, прелестный, острый юмор, никогда не обижавший критикуемого, и ко всему этому еще и талант композитора» (4, 41).

В 1941 году С.Р. Муселиус заканчивает Консерваторию по классу композиции у М.Ф. Гнесина. Скольким симфониям, операм так и не удалось осуществиться? Написание скольких произведений прервала война? К сожалению, ответ на этот вопрос мы уже никогда не узнаем. Сергей Ричардович Муселиус умер в эвакуации в Казани в 1943 году.

Часы жизни многих композиторов и музыковедов внезапно остановились в страшное время блокады. Ради мирного будущего своих близких и детей, внуков и учеников, ради возможности будущим поколениям воплотить все свои планы, они пожертвовали всем. Пожертвовали счастьем и возможностью высказаться до конца, до самой последней ноты. Жизнь каждого из этих людей оборвалась как недопетая песня. И самое малое, что мы можем сделать для них — Э Т О П О М Н И Т Ь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2005.
2. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Кн. 2. – Л., 1988.
3. Ленинградской консерватории – 125 // Музыкальная жизнь, Л., 1987, № 22.
4. Памяти погибших композиторов и музыковедов 1941 – 1945. Вып. 1. – М., 1985.
5. Советские композиторы — фронту. – М., 1989.